

Надежда Дмитриевна Хвощинская в истории русской литературы XIX века

Алексей Вдовин

От составителя

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_177

Alexey Vdovin

From the Guest Editor

Алексей Вдовин

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва),
Школа филологических наук, профессор; док-
тор филологических наук, PhD
avdovin@hse.ru.

Alexey Vdovin

National Research University Higher School of Eco-
nomics (Moscow), School of Philological Sciences;
professor; PhD, doctor hab.
avdovin@hse.ru.

Исследования русских писательниц XVIII–XX веков сегодня переживают подлинный бум. Отчасти он поддержан институционально: в издательстве «Новое литературное обозрение» выходит особая серия «Studia Identitatis», в ведущих российских книжных издательствах регулярно (ре)публикуются произведения писательниц от Анны Буниной до Анны Мар и Елены Шварц, проект «Полка» уделяет женскому письму много места, в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН начало выходить полное собрание сочинений Н.С. Соханской — одной из наиболее самобытных писательниц середины XIX века, писавшей под псевдонимом Надежда Кохановская, издательство «Дмитрий Сечин» планомерно выпускает полное собрание сочинений Евдокии Ростопчиной, в ведущих журналах выходят блоки статей о писательницах прошлого¹. Читатель может спросить: «Чего же боле?» В самом деле: я перечислил далеко не все проекты и исследования, увидевшие свет на протяжении последних десяти лет. Мы и правда стали свидетелями поистине обнадеживающего и весьма

1 См., например: специальный номер журнала «ILCEA» (Университет Гренобля) под названием «Les femmes en Russie: parcours, mythes et représentations» (2017. Vol. 29. URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/4202>); Вайсман М., Успенский П., Федотов А. Авдотья Панаева сама по себе: субъектность, нарратив, сюжеты // Новое литературное обозрение. 2023. № 3 (181). С. 200–204.

существенного поворота неповоротливого русского литературного канона к забытым страницам женского литературного творчества. Произведения переиздаются, исследования пишутся, однако этого все еще недостаточно для достижения некоего порога насыщения — преодоления фактически столетнего тренда, исключая писательниц из литературного пантеона. Для того чтобы говорить о достижении порога насыщения, необходимо еще как минимум три литературных факта:

- 1) произведения ключевых писательниц прошлого должны быть переизданы по крайней мере в виде однотомников избранных произведений, в лучшем случае — многотомных изданий (в пределе — академических);
- 2) о творчестве ключевых писательниц должны появиться хотя бы первичные научные монографии, а в перспективе — их научные биографии;
- 3) эти же произведения должны быть различными способами вписаны в университетские (т.е. образовательные) нарративы об истории русской литературы XIX столетия (формы присутствия могут варьировать — главное, чтобы они не сводились к номинальному упоминанию).

Может показаться, что подобная программа — утопия, но она вполне реализуема, хотя, конечно, не в ближайшее время, но по меньшей мере в горизонте 20–30 лет. При условии, разумеется, планомерной работы большого числа исследователей.

Одной из писательниц, творчество которой, без сомнения, постепенно возвращается в историю русской литературы XIX века, является Надежда Дмитриевна Хвоцинская (1821–1889²) — одна из наиболее высоко котирувавшихся у критики XIX века отечественных романисток. Такие критики, как Евгения Тур, А.П. Милюков, А.М. Скабичевский, П.Д. Боборыкин, К.К. Арсеньев и др., ставили ее в один ряд с Гончаровым, Тургеневым, Григоровичем, Салтыковым-Щедриным и Писемским, то есть, по сути, отводили ей место в пантеоне наиболее крупных писателей-современников³. При жизни Хвоцинской вышло несколько собраний ее сочинений, а 6-томное полное собрание 1912–1913 годов сделало ее тексты еще более доступными⁴. В советские годы в виде однотомников несколько повестей Хвоцинской переиздавались лишь дважды (собрания М.С. Горячкиной в 1963 и 1984 годах). С 1984 года на русском языке ее художественные произведения, к сожалению, не перепечатывались, чего нельзя сказать о переводах. Повесть «Пансионерка» в 1990 году вышла на финском, а в 2000 — на английском языке. Международной группой переводчиков сейчас готовятся английские переводы еще нескольких произведений —

2 Е.Н. Строганова установила наиболее вероятный год рождения — 1821 (*Строганова Е.Н.* К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвоцинской: о дате рождения писательницы // *Культура и текст.* 2021. № 2 (45). С. 113–120).

3 Максимально полная на сегодня библиография критических и академических статей о Хвоцинской доступна в блоге проф. Эрика МакДоналда (URL: <https://xixvek.wordpress.com/new-about-this-blog/bibliography-of-secondary-literature-on-nadezhda-khvoshchinskaia-v-krestovskii/>).

4 Наиболее полную библиографию текстов Хвоцинской (а также ее сестер) см: *Khvoshchinskaya Sisters Digital Collection* (URL: <https://khvoshchinskies.web.illinois.edu/bibliography/>).

наиболее выдающегося романа «Большая Медведица» и повестей «Братец», «Первая борьба» и «Свидание»⁵.

Если в советском литературоведении о Хвоцинской упоминали редко (см. библиографию по ссылке в сноске № 3), то начиная с 1986 года по ее поэзии, прозе и литературной критике было защищено несколько диссертаций и написано несколько десятков статей — но ни одной монографии⁶. Российские, украинские и польские литературоведы О. Кренжолек, А.И. Тыминский, Е.Н. Строганова, В.Л. Погребная и Е.П. Березкина (фамилии даны в порядке появления работ) начиная с 1986 года занимаются литературной позицией (Кренжолек, Строганова), стилем и поэтикой (Тыминский), гендерными аспектами ее творчества (Строганова, Погребная) и спецификой отдельных произведений (Березкина и др.).

В западной русистике Хвоцинская стала законным и набирающим популярность объектом историко-литературных штудий в начале 1990-х годов. Карен Рознек, Джеанн Гейт, Арья Розенхольм, Хильде Хогенбом и Анна Берман⁷ в своих книгах, статьях и публикациях источников заложили прочный фундамент для серьезного и многоаспектного исследования русской писательницы⁸.

Тем не менее бросается в глаза, что в России до сих пор не было предпринято важнейших шагов, позволивших бы более прочно утвердить заслуженное место Хвоцинской в истории русской литературы, — ни републикации ее произведений, ни появления в печати многочисленных материалов, отложившихся как ее в личном фонде в РГАЛИ, так и в других архивохранилищах. Хвоцинская принадлежит к тем редким русским писательницам, от которых остался огромный массив и рукописей ключевых произведений, и ее переписки. По сложившейся в российском литературоведении практике необходимо сначала подготовить том «Литературного наследства» (с материалами как минимум Надежды, а в идеале — и других сестер Хвоцинских), а затем, опираясь на него, готовить приближенное к академическому собрание сочинений. Главной трудностью академического собрания станет крайне неразборчивый почерк Надежды Дмитриевны. Неудивительно, что сохранившиеся рукописи ее романов или рассказов не учитывались, насколько нам известно, ни в одном из опубликованных исследований.

5 Первым во второй половине 2026 года в серии «Oxford World's Classics» выйдет перевод «Братца», выполненный Норой Фаворов. Презентацию переводов см: *Pushkin House* (URL: <https://pushkin-house.squarespace.com/events/translating-nadezhda-khvoshchinskaya>).

6 Исключение — книга А. Чеченовой «Соратница великих» (Рязань: Поверенный, 2003), по сути, представляет сборник авторских статей и посвящена главным образом биографии писательницы.

7 Отметим лишь недавние и готовящиеся к выходу книги: *Hoogenboom H. Noble Sentiments and the Rise of Russian Novels: A European Literary History*. Toronto: University of Toronto Press, 2025 (глава 8). В 2026 году в американском журнале «Slavic and East European Journal» выйдет блок статей под названием «Nadezhda Khvoshchinskaya in Her Third Century», в 2026 году — коллективная монография под редакцией Анны Берман и Хильде Хогенбом «The Sisters Khvoshchinskaya» (Ithaca: Cornell University Press). Наконец, Анна Берман работает над первой англоязычной биографией Н.Д. Хвоцинской.

8 Не преследуя цели упомянуть в коротком введении к блоку все работы (см. библиографию), отметим лишь публикацию подборки из 110 писем Хвоцинской в 2001 году: «Я живу от почты и до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвоцинской / Сост. и публ. А. Розенхольм и Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2001.

Чтобы навсегда закрыть вопрос о «заслуженности» места Хвоцинской в истории литературы, исследователям предстоит решить как минимум две задачи. Первая — уже частично решенная — предполагает систематизацию критических отзывов и многоаспектное исследование репутации Хвоцинской в прижизненной и посмертной литературной критике. Вторая — изучение поэтики прозы писательницы в интертекстуальной и жанровой перспективах. Еще критики XIX века отмечали, что романы Хвоцинской находились в серьезном диалоге с наиболее яркими литературными текстами не только русской литературы (Тургенева, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Некрасова и мн. других), но и европейской (Данте, Шекспира, Гёте, Теккерея, Диккенса и др.). Помимо этого, Хвоцинская сама была литературным критиком и рецензировала произведения писательниц 1850–60-х годов, поэтому ее произведения с высокой долей вероятности находятся в диалоге (часто полемическом) и с этой линией русской прозы, которая изучена на порядок хуже.

Предлагаемый блок статей призван наметить пути решения кратко описанной здесь исследовательской программы. Открывает подборку опубликованная на английском еще в 2002 году статья **Х. Хогенбом** «“Я раб действительности”: Надежда Хвоцинская, реализм и деталь»⁹, которая, благодаря глубокому погружению в стилистику и автометаописания Хвоцинской, стала одной из наиболее цитируемых работ о поэтике писательницы. Как показывает Хогенбом, рубеж 1850–60-х годов оказался для нее переломным: начав в 1859 году издание первого собрания сочинений и достигнув определенной славы, Хвоцинская задумалась о том, насколько ее стиль письма позволяет и дальше прорабатывать волнующие ее и публику социальные проблемы, сохраняя «верность действительности» и в то же время эстетическое правдоподобие характеров. По мнению Хогенбом, такие размышления резонируют с тем, как протекала эволюция французского женского романа 1830–50-х годов, и находятся в самой сердцевине дебатов о реализме. Хогенбом регистрирует в романе «Встреча» и повести «Пансионерка» усложнение письма Хвоцинской и, соответственно, говорит о ее дистанцировании от поэтики «женского сентиментального романа».

Предложенная Хогенбом оптика позволяет проверять и уточнять ее концепцию на материале других текстов Хвоцинской, а затем создать периодизацию ее прозы, основанную не на экстралитературных обстоятельствах, а на смене тематико-стилистических доминант ее творчества.

В том же русле изучения поэтики романной прозы Хвоцинской находится вторая статья блока «“В ожидании лучшего” Н.Д. Хвоцинской и романы Ф.М. Достоевского первой половины 1860-х годов: незамеченный диалог», написанная **А.В. Вдовиным** и **М.Ю. Вербицкой**. Обращаясь к еще одному рубежному тексту писательницы, почти не привлекавшему внимания исследователей, они выявляют многочисленные переключки мотивно-сюжетной структуры «В ожидании лучшего» (1860) с романами Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» и «Игрок». Если в «Униженных и оскорбленных»

9 *Hoogenboom H.* «I am a Slave to Reality»: Nadezhda Khvoshchinskaia, Realism, and the Detail // *Vieldeutiges Nicht-zu-ende-sprechen: Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen* / Ed. by Arja Rosenholm and F.K. Göpfert. Frauen Literatur Geschichte 16. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2002. P. 129–147.

параллель с текстом писательницы возможна, но не бесспорна, то в «Игроке» сюжет об ожидании наследства от богатой «умирающей» бабушки, как предполагают соавторы, скорее всего, напрямую восходит к роману Хвоцинской с ее монументальным и запоминающимся образом властной княгини Десятовой, смерти которой ждут два ее развращенных внука. Подобного рода исследования раскрывают многообразные связи между прозой Хвоцинской и творчеством ее выдающихся современников. Это позволяет говорить не только о традиционном влиянии авторов-мужчин на женщин, но и влиянии в обратном направлении, что случалось, очевидно, реже, но все же происходило.

В статье **К.Ю. Зубкова** «Почему Надежда Хвоцинская не была русской Бронте: либерализм и эмансипация в критике и прозе 1860-х годов» литературная критика писательницы, помещавшаяся на страницах журнала «Отечественные записки», рассматривается на фоне статей и рецензий ее английских современниц. Автор показывает, что, несмотря на устоявшуюся репутацию «русской Бронте», творчество Хвоцинской разворачивалось в кардинально иных условиях: в отсутствие в Российской империи социальных аналогов британского среднего класса для представительницы недостаточно привилегированной группы было значительно труднее занять умеренную позицию. Либеральные убеждения Хвоцинской и ее издателя Андрея Краевского вступали в конфликт с почти неизбежной для российской писательницы этих лет радикализацией, проявившейся в параллелях между статьями Хвоцинской и таких авторов, как Николай Чернышевский. Параллели эти, видимо, объясняются не влиянием, а естественным совпадением между позициями Хвоцинской, чувствовавшей свою маргинальность на фоне столичных писателей, и Чернышевского, столкнувшегося с литературным сообществом, где доминировали дворяне. В статье предлагается прочтение повести «Пансионерка» как творческого осмысления этой ситуации: эмансипация и образование в российских условиях неизбежно приводят девушку к радикализации.

Заключительная статья **Е.Н. Строгановой** «“Свободное чувство искреннего уважения...”: Приветственный Адрес Н.Д. Хвоцинской в контексте становления жанра» в первую очередь вводит в научный оборот важный документ из фонда Хвоцинской в РГАЛИ — приветственный Адрес в честь юбилея литературной деятельности Хвоцинской, подписанный 734 почитателями ее творчества — от художников и писателей до обычных курсисток и врачей. Е.Н. Строганова вводит этот документ в контекст истории жанра адреса с 1810-х годов до последней трети столетия, показывая его эволюцию от средства выражения лояльности престолу до общенародного признания заслуг публичной персоны. Случай Н.Д. Хвоцинской здесь в высшей степени показателен как свидетельство не надуманной критиками высокой репутации писательницы, особенно к концу ее творческой деятельности.

Библиография / References

- Вайсман М., Успенский П., Федотов А. Авдотья Панаева сама по себе: субъектность, нарратив, сюжеты // Новое литературное обозрение. 2023. № 3 (181). С. 200–204.
- (Vaysman M., Uspenskiy P., Fedotov A. Avdot'ya Panaeva sama po sebe: sub"ektnost', narrativ, syuzhety // Novoe literatunoe obozrenie. 2023. № 3 (181). P. 200–204.)
- Строганова Е.Н. Портрет писательницы в некрологе: отклики на смерть Н.Д. Хвощинской // Строганова Е. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. С. 63–76.
- (Stroganova Ye.N. Portret pisatel'nitsy v nekrologe: otkliki na smert' N.D. Khvoshchinskoy // Stroganova Ye. Klassiki i sovremennitsy: gendernyye realii v istorii russkoy literatury XIX veka. Moscow, 2019. P. 63–76.)
- Строганова Е.Н. К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвощинской: о дате рождения писательницы // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 113–120.
- (Stroganova E.N. K 200-letiyu Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoy: o date rozhdeniya pisatel'nitsy // Kul'tura i tekst. 2021. № 2 (45). P. 113–120.)
- Hoogenboom H. «I am a Slave to Reality»: Nadezhda Khvoshchinskaia, Realism, and the Detail // Vieldeutiges Nicht-zu-ende-sprechen: Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen / Ed. by Arja Rosenholm and F.K. Göpfert. Frauen Literatur Geschichte 16. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2002. P. 129–147.
- Hoogenboom H. Noble Sentiments and the Rise of Russian Novels: A European Literary History. Toronto: University of Toronto Press, 2025.
- ILCEA. 2017. Vol. 29 (URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/4202>).